

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Высшая школа сценических искусств»

Лекции по дисциплине

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТИКЕТ»

Театральная школа Константина Райкина

ЛЕКЦИЯ 1 Сущность и значение этикетных норм для социума

Поведение человека вариативно и многообразно. В справедливости этой аксиомы сомневаться не приходится. Однако не менее справедливо и другое утверждение: поведение человека в обществе типизировано, то есть оно подчиняется нормам, выработанным в обществе, и поэтому с неизбежностью во многих отношениях стандартно. Такое положение является результатом действия двух противонаправленных тенденций. Первую тенденцию можно назвать центробежной. Она проявляется в разнообразии поведения, его вариативности. Именно эта сторона поведения имеется в виду, когда говорится об индивидуальных особенностях, своего рода “стилистике” поведения. Однако многообразие поведения никогда не бывает беспредельным (в противном случае невозможным было бы общение людей, их объединение в различного рода социальные образования). На упорядочение разнородных вариантов поведения направлена противоположная (центростремительная) тенденция к унификации поведения, его типизации, выработке общепринятых схем и стандартов поведения. Эта вторая тенденция выражается в том, что всякое общество, заботясь о своей целостности и единстве, вырабатывает систему социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его членам.

Набор типовых программ поведения специфичен для каждого коллектива. Все они направлены на то, чтобы нейтрализовать тенденцию к индивидуализации поведения, сдержать рост его вариативности, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминуемо привел бы к распаду общества. Тем не менее социально одобренные программы поведения никогда не покрывают всей сферы поведения человека в обществе. Некоторые фрагменты поведения остаются нерегламентированными, поскольку не расцениваются как социально значимые. Более того, для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных фрагментов поведения и, следовательно, своя конфигурация границы между обязательным (типизированным) и свободным (индивидуальным) поведением. При этом чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контроль над соблюдением стандартов и образцов.

Стандартизированное поведение имеет свои варианты. В соответствии с особенностями социальной организации в сфере “заданного” поведения выделяются различные типы: поведение крестьянина, воина, охотника, ремесленника и т.п. В соответствии с критериями бисоциального членения жизненного пути различается поведение детей, взрослых, стариков, мужчин и женщин. Типология поведения этим, естественно, не исчерпывается. С введением иных координат (например, этнических и конфессиональных) можно говорить о поведении японца в отличие от европейца, христианина в отличие от мусульманина. Если перейти на еще более высокий уровень абстракции, то можно вести речь об эпохальных стилях поведения – например, о поведении средневекового человека. Реальное поведение человека – всегда синтез нескольких типов, нескольких программ. Человек в своем поведении реализует не одну какую-нибудь программу действия, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо стратегию из обширного набора возможностей.

Итак, условно можно говорить о двух основных формах поведения. Одна из них сводится к относительно свободному, вариативному поведению. Другая представляет собой регламентированное поведение, подчиняющееся

выработанным в коллективе типовым схемам действий в стандартных ситуациях. Какова же природа и функции стереотипизации?

Каждое общество в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт. Этот опыт является фундаментом, на котором зиждется сама возможность существования коллектива во времени. Естественно, коллектив заинтересован в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям. Передача накопленной информации происходит двумя путями: генетически и негенетически. Передача не наследственной информации осуществляется в процессе социализации и целиком основана на научении. Хранение, передача и аккумуляция социальной информации предполагает ее упорядочение, во-первых, и отбор наиболее значимых фрагментов, во-вторых. На выполнение этих функций и ориентирован механизм стереотипизации. С его помощью накапливаемая информация представляет собой не просто сумму полезных знаний, но определенным образом организованный опыт, который благодаря наличию структуры может быть передан во времени. При этом “коллективная память”, видимо, тоже имеет свои пределы. Она не может включать весь опыт. Стереотипизация наиболее значимой информации позволяет не только осуществлять отбор, но и сохранять ее рабочий объем в условиях постоянного обновления. Таким образом, стереотипизация информации явилась действенным средством не только для компенсации энтропийных потерь, но и борьбе с эктропией.

Структурирующее свойство стереотипов непосредственным образом связано с их центростремительной интровертной направленностью, то есть ориентацией на внутренние механизмы самоорганизации. По мнению Б.М.Бернштейна, чем сложнее система, тем больше место в жизнедеятельности занимают самоорганизация, саморегуляция, координация действий составляющих ее подсистем, согласование внутренних процессов и т.п., и сохранение этого опыта обеспечивает системе ее целостность и идентичность.

Интровертный, регулятивный характер стереотипов сближает их с понятием социальной нормы – базисной категории социального контроля. В понятии нормы содержится и оценочный смысл. В этом случае норма выступает как выражение некоей внешней точки зрения, в соответствии с которой любой поступок может быть охарактеризован как “правильный” или “неправильный”, “хороший” или “плохой”, “высокий” или “низкий” и т.д. Естественным коррелятором нормы в таком понимании будет нарушение (а не “свободное” поведение, как в первом случае). Более того, норма существует только на фоне нарушений. Полное торжество нормы в принципе невозможно, так как это понятие лишается смысла. Между тем стереотипы поведения существуют не только для выражения нормы, ее соблюдения, но и для ее нарушений, то есть “неправильное” поведение имеет свои стандарты. На это указывает широкий класс явлений, присущих каждой этнической культуре (от обрядов, включающих инверсии повседневных норм, до языковых стереотипов). Как пишет Ю.М. Лотман, “норма и ее нарушения не противопоставлены как мертвые данности. Они постоянно переходят друг в друга. Возникают правила для нарушения правил и аномалии, необходимые для нормы. Реальное поведение человека будет колебаться между этими полюсами. При этом различные типы культуры будут диктовать субъектную ориентированность на норму (высоко оценивается “правильное” поведение, жизнь “по обычаю”, “как у людей”, “по уставу” и пр.), или же ее нарушение (стремление к оригинальности, необычности. чуждачеству. юродству. обесцениванию нормы амбивалентным

соединением крайностей)”. Не нужно думать, что ориентация на нарушение нормы относится лишь к сфере индивидуального поведения. Целые слои и группы общества имели свои модели как “правильного”, так и “неправильного” поведения (сравним, например, многократно описанный “сценарий” купеческого загула). При этом второй тип поведения в историческом плане не является новацией. Он имеет гораздо более глубокие корни. Во всяком обществе и во все времена первый тип поведения неизбежно перемежался вторым, ярким выражением которого является праздник. В данном случае нас не интересует психофизиологическая подоплека и исторические варианты мотивации этого феномена. Важно то, что соотношение нормы и стереотипа поведения не сводится к их отождествлению. Нормы и стереотипы поведения в каких-то случаях пересекаются, а в каких-то – существенно расходятся.

Общечеловеческие, инвариантные модели поведения, казалось бы, целиком и полностью детерминированы биологическими свойствами человека. Однако следует отметить, что они существенно корректируются социальными, культурными механизмами. Особенно яркое действие культурных факторов на универсалии поведения проявляются в тех случаях, когда “естественным” действиям придается социальная значимость. У индейцев племени кутинаи кашель имеет энтодифференцирующий смысл: по характерной назальности кашля они отличают своих соплеменников от представителей других групп. По словам С.А. Арутюнова, “даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляется у человека разными приемами, в которых имеются определенные и очень существенные, этнические различия. Этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения, хотя все люди на земле и одеваются, и едят, и сидят”. Регламентация в сфере “естественного” поведения затрагивает лишь внешнюю сторону действий, их “оформление” и осмысление, в то время как характер действий остается неизменным, универсальным и инвариантным. Можно спать на возвышении или на полу, в определенной позе, какое-то время воздержаться от сна, но альтернативного действия (не спать вообще) этот срез поведения не имеет. Иными словами, такое поведение не предполагает выбора и, следовательно, имеет только один путь реализации. “Неправильного” варианта в таком поведении не существует.

Альтернативное поведение всегда подразумевает выбор и, соответственно, альтернативное решение: можно поступить “правильно” или “неправильно”. Такое поведение регулируется исключительно с помощью вторичных, не вытекающих непосредственно из контекста ограничений. Эти ограничения носят частный характер, условный и относительный характер, что позволяет рассматривать их как энтодифференцирующие признаки, лежащие в основе деления людей на отдельные группы. В свою очередь категория выбора служит основанием для всевозможных этнических оценок и концепций относительно тех или иных поступков.

Если в первом случае (“естественных”, инвариантных форм поведения) стереотипизации подвергаются внешние аспекты деятельности, то во втором стереотипизируется как план выражения, так и план содержания. Разумеется, этнические особенности проявляются и в глубинной, и в поверхностной структуре стереотипа поведения. Но если выявление общего и особенного во внешней стороне стереотипа не вызывает особых сложностей, то аналогичные процедуры по отношению к внутренней содержательной стороне стереотипа сопряжены с большими трудностями, поскольку эта сфера не ограничивается прагматическим

смыслом или мотивировкой и, как правило, осложнена бытовыми, этническими, религиозными и другими представлениями.

Следует, вероятно, различать стереотипы (модели) поведения и само поведение, то есть конкретные действия и поступки, являющиеся объективацией стереотипа (ср. различие понятий “язык” в лингвистике; “код” и “сообщение” в семиотике; “закрытое” и “открытое” поведение в психологии). В этом случае стереотип выполняет роль программы поведения, реализующейся в поведенческом тексте (в семиотическом понимании этого термина). С этой точки зрения текстами являются стереотипизированные формы поведения: обряды, обычаи, этикет, трудовые навыки и приемы, игры, мода, отдых, праздник, способы воспитания, ухаживания, оскорбления, наказания, и т.п.

Соотношение стереотипа и соответствующего ему текста поведения далеко не однозначно. В идеале каждому стереотипу должен соответствовать определенный тип текста поведения. Но так бывает не всегда. Зависит это от многих причин, среди которых следует назвать лабильность или прескрептивность действующая в культуре норм. При этом нужно учитывать, что каждое общество вырабатывает свои стандарты строгости или терпимости к нарушениям в разных сферах поведения. Так, например, стереотип брачных отношений в тех обществах, которым свойственны экзогамные брачные системы, характеризуется жесткой прескрептивностью в отличие от лабильности норм действующих в обществах с не экзогамными брачными системами. Кроме “внешних”, существенное значение имеют “внутренние” регуляторы поведения, такие как стыд, вина, страх, честь с соответствующими этническими, религиозными, эстетическими и другими мотивировками.

В обществах архаического типа сам факт неизменности воспроизведения ритуала рассматривался как залог благополучия коллектива. Это и естественно, поскольку ритуал верифицирует устойчивость социальной структуры коллектива, ее способность противостоять внешним импульсам. В сфере ритуала всякое нарушение было в принципе невозможно, так как угрожало существованию коллектива во времени. Не случайно, – пишет В.Н. Топоров, – что смысл жизни и ее цель человек космологического периода видел именно в ритуале, основной общественной и экономической деятельности человеческого коллектива”.

Относительно менее строго была “зарегулирована” сфера обычая. Если ритуал вообще не допускал никаких искажений, то соблюдение обычая предполагало существование системы санкции, предусмотренных для всевозможных нарушений. Другими словами, обычай реализовался только в контексте нарушений. Разные сферы действия обычая допускали различную степень свободы поведения. В этом смысле особенно показателна система этикета. Прием гостя многих народов был чрезвычайно регламентирован (не случайно этот фрагмент этикета издавна привлекал внимание этнографов, выделявших его даже в особый обычай, или “ритуал” гостеприимство), в то время как в других сферах общения действовали менее строгие правила. Разумеется, сказанное не относится только к архаическим коллективам. Принципиально сходные явления характерны и для современных обществ (сравним хотя бы различную “стилистику” поведения дома и на улице, в театре и на рабочем месте). Положение осложняется быстрой сменяемостью стереотипов поведения, наличием наряду с общенациональными разнородных субкультурных и внутрипоколенных стандартов, определяемых действием таких феноменов, как мода.

Принято считать, что различия между ритуалом и обычаем коренятся в сфере